

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЕКЦИИ

А. В. Головнёв, Т. С. Киссер

ПРОЕКЦИИ ЭТНИЧНОСТИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИИ (ПО ДАННЫМ ВЕБ-ОПРОСА)*

doi: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-80-89

УДК 397(470)

ББК 63.5(2)

Статья посвящена первым итогам проекта «Коренные малочисленные народы Российской Федерации: этнокультурные проекции». Изучение современного состояния этничности коренных малочисленных народов России в полиэтничной среде и в системе сложных идентичностей в пространстве Евразии за непригодностью однолинейных подходов осуществляется методами этнофеноменологии в широком пространственно-временном контексте традиций и новаций, персонологии, социологии и социальной антропологии. В фокусе внимания: (1) этничность в ее устойчивости и изменчивости, исторической динамике и современных проявлениях, социальности и персональности, традициях и новациях; (2) этнокультурное наследие как основа идентичности, тренды и перспективы его актуализации. Веб-этнография в условиях пандемии стала основным каналом получения информации и выстраивания диалога исследователей и представителей коренных народов. Авторами статьи разработаны две кибер-анкеты: (1) экспертная анкета для лидеров КМН (собрано более 30 анкет); (2) общая анкета для представителей КМН (собрано 500 анкет). Обе анкеты содержат сходные вопросы, но первая рассчитана на развернутые ответы-размышления, а вторая — на краткое выражение своей позиции; общая анкета показывает основные тренды, а экспертная дает их аналитику и толкования, причем оба действия выполняются самими коренными народами (роль исследователей ограничивается формулировкой вопросов и представлением свода полученной информации). В статье рассматриваются проекции этничности, опыты этнопроектов, а также вопросы статуса и прав коренных малочисленных народов.

Ключевые слова: *коренные малочисленные народы России, этничность, идентичность, киберэтнография, этнопроекты, веб-опрос*

Прошел год с запуска проекта «Коренные малочисленные народы Российской Федерации: этнокультурные проекции» в рамках программы «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», реализуемой под эгидой Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений. Проект рассчитан на три года, и пока можно

говорить лишь о предварительных наблюдениях и размышлениях. Поскольку речь идет о традиционной, если не сказать «почвенной», для отечественной этнографии теме,¹ мы позволим себе не углубляться в бесконечно увлекательную историю идей этничности, ограничившись минимумом вступительных методологических и методических установок. К их числу относятся те, что определяют направления исследовательского поиска, и те, что инструментально его обеспечивают.

Подходы и инструменты

Главной темой отечественной этнологии последних десятилетий остается феномен этничности и идентичности в новой бинаристской аранжировке примордиализм vs конструктивизм. Между тем они взаимодополняющие измерения, одно из которых показывает стойкость этничности в череде поколений, другое — механизм ее действия. В ряде случаев конструктивизм выглядит даже «этничнее»

Головнёв Андрей Владимирович — чл.-корр. РАН, д.и.н., профессор, директор, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург); науч. рук. кафедры антропологии и этнографии, Казанский федеральный университет (г. Казань)
E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru

Киссер Татьяна Сергеевна — к.и.н., с.н.с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: tkisser@bk.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Программы ФПНИ по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг., проект «Коренные малочисленные народы России: этнокультурные проекции» (рук. А. В. Головнёв)

¹ См.: Головнёв А. В. Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.

примордиализма, поскольку служит методом субъективной этнографии, рисующей персоналии и сценарии народостроительства. Российские антропологи и этнографы, вписываясь в тренд, ищут приют в конструктивизме (поклонники моды) или примордиализме (любители ретро). Однако приюта такого нет, он «воображаемый» (пользуясь метафорой Б. Андерсона). Примордиализм рассеивается на натурализм, органицизм, перенниализм, соседствует или сливается с эссенциализмом, традиционализмом, модернизмом.² Столь же расплывчат фланг конструктивизма, где соседствуют инструментализм, рационализм, трансакционизм, циркумстанционизм.³ Их оттенки перемешаны настолько, что порой обнаруживаются на противоположном берегу. Например, трансакционизм сосредоточен на трансграничных межэтнических взаимодействиях, но все же ключевой категорией и предметом изучения остаются этнические группы. Циркумстанционизм ориентирован на учет меняющихся обстоятельств проявлений этничности, что открывает в нем черты обеих сторон. На самом деле в дебатах об этничности давно обозначилось иное, куда более перспективное измерение перехода статики в динамику. Дж. Сиаккас рассматривает его как соотношение эссенциалистского и динамичного дискурсов, первый из которых позиционирует этничность как универсальное и неизменное явление, а второй, ныне доминирующий, подчеркивает изменчивость этничности.⁴ Преодолевая бинаризм и считая его упрощенной схемой научного мышления, мы используем подходы и методы обоих направлений.

В условиях глобализации и информационной революции этничность не сходит со сцены, а меняет свои формы и проявления. Изучение современного состояния этничности коренных малочисленных народов (далее — КМН) России в полиэтнической среде и в системе сложных идентичностей в пространстве Евразии за непригодностью однолинейных подходов может осуществляться методами этнофеноменологии в широком пространственно-временном контексте традиций и новаций, персоналогии, социологии и социальной антропологии. Циркуляция медиапродукции

посредством конференций, симпозиумов, фестивалей, национальных праздников, а также ресурсов интернета стала важной составляющей формирования и презентации этнической идентичности.

Идентичность КМН сочетает в себе множество измерений, от мифологии, исторической памяти и этнических стереотипов до ситуативных проявлений в коммуникативных диапазонах семьи, селения, региона, страны, мира. Ей присущи глубина и многослойность, в ней выражаются как глобальные, так и индивидуальные мотивы и ракурсы. Наиболее эффективные модели позиционирования коренных меньшинств основаны на сочетании различных идентичностей, включая региональную и гражданскую. Эти модели обладают не только устойчивостью, но и изменчивостью, динамика которой нарастает, и сегодня в каждом частном случае впору учитывать сразу несколько разнонаправленных сценариев этнокультурного позиционирования и взаимодействия.

Понятие «коренной» в сопоставлении с категорией «пришлый» удобно для стран относительно недавней европейской колонизации (Америка, Австралия и т. п.), где исторически отчетливо проявлялся «фронт»; хотя и там подобное размежевание затруднено ввиду метисации и других форм взаимодействия различных групп населения. Намного сложнее обособить эту категорию в странах многовекового межэтнического взаимодействия и встречных потоков колонизации (к их числу относится Россия). Имитационное использование этого понятия, без оглядки на иные реалии, может внести путаницу в теорию и практику межэтнических отношений.

Окраинные коренные/туземные/автохтонные народы в разные годы назывались «малыми» или «малочисленными», что по-своему верно, но недостаточно для их адекватного позиционирования. Для России времен империи и советской власти культурное многообразие было одним из стержней политики; так, коренные народы Севера всегда выступали показательным примером этой политики. Благодаря административно-политическому поощрению «национальной формы», и несмотря на тотальную советизацию и интернационализацию, многие коренные малочисленные народы сохранили свою самобытность, выработав адаптивную этнокультурную стратегию в условиях «семьи народов» и многонационального государства.

² См.: Smith A. D. *Myths and Memories of the Nation*. Oxford, 1999.

³ См.: *Ethnicity*. Oxford; New York, 1996.

⁴ См.: Siapakas J. *Ancient Ethnicity and Modern Identity // A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean*. Malden, 2014. P. 66–81.

Сегодня уже не принято считать коренные меньшинства исключительно традиционными сообществами и связывать их этничность с вековыми устоями. Этноресурс коренных малочисленных народов состоит не в их «первобытности», а в их по-своему высоких экологических, материальных, социальных и духовных технологиях. Перспективно изучение этнокультурного потенциала каждого народа, этнически самобытных мотивационно-деятельностных схем, ценностных особенностей в измерениях родства, власти, религии, экономики, быта, этики, эстетики, а для полиэтнического сообщества — механизмов взаимной адаптации этих граней самобытности. Реализация этнокультурного потенциала, не отменяя принципа равных возможностей, создает условия для оптимизации и диверсификации использования природных, хозяйственных и социокультурных ресурсов (примеров этнически эффективного разделения труда немало в истории и современности). Естественной в таких условиях конкуренции придает стимулирующий, а не разрушительный, характер сложившиеся и обновляемые нормы этнодиалога и этнодипломатии. На Урале, например, она регулируется обычаями «сдержанного диалога» между этнически различными соседями. Агрессия обычно проявляется в случаях, когда лидеры местного сообщества обнаруживают внешнюю угрозу своему контролю над социальным пространством. Исходя из вышесказанного, проблемы коренных малочисленных народов РФ должны изучаться в их реальной многосторонности и многофакторности, с учетом глобальных процессов и современных тенденций. В фокусе внимания нашего исследования: (1) этничность в ее устойчивости и изменчивости, исторической динамике и современных проявлениях, социальности и персональности, традициях и новациях; (2) этнокультурное наследие как основа идентичности, тренды и перспективы его актуализации.

Сложные и самобытные системы знаний и практик в сферах материальной, экологической, нормативной и духовной культуры («квадрат культуры») составляют не только огромный фонд наследия коренных малочисленных народов, но и ресурс развития. Замечательным, но до сих пор почти не изученным достоинством этих культур является их высокая мобильность, позволяющая охватывать огромные пространства и осваивать рассеянные по нему ресурсы. В прошлом феномен

движения по разным причинам был в немилости у гуманитарных наук, а движение как образ жизни (кочевничество) считалось чем-то вроде варварства и подлежало искоренению путем «перевода кочевников на оседлость». Сегодня многое изменилось. С одной стороны, опыты перевода кочевников на оседлость обернулись «драмой поселков» с их депрессивной маргинальностью, отсутствием занятости и полноценной самореализации (особенно мужчин) — в отличие от «здоровой тундры», по-прежнему дающей образцы культурной и экономической состоятельности, человеческого достоинства и успеха. С другой стороны, на рубеже XX–XXI вв. в мире распространилась мода на неонамадизм, чему в немалой степени способствовал бум туризма, кибер- и медиапутешествий; «новыми кочевниками» стали называть себя «люди сети» (киберномады) и «транслокальных культур», а также представители политического и делового истеблишмента, мигрирующие по миру в своих бесконечных вояжах. Мобильность, включая намадизм, исторически и по сей день является базовым принципом освоения и переосвоения территорий.⁵

В контексте происходящих в России и в мире глобальных политических, конфессиональных и социокультурных процессов соотношение этничности и власти остается, пожалуй, самой актуальной темой для исследований как в теоретическом, так и в эмпирическом измерениях, в том числе в русле диалога этнических сообществ, их элит и государства. Этнокультурный потенциал коренных малочисленных сообществ наиболее эффективно реализуется при условии активности этнических лидеров.⁶ Представители политической элиты и интеллигенции коренных малочисленных народов России используют разные этноокрашенные стратегии от общественных движений и правозащитной деятельности до проектов по сохранению традиционного образа жизни и возрождению культово-ритуальных практик.

Сегодня дискуссии об этничности и этнокультурном наследии заметно смещаются в киберпространство, которое все существеннее влияет на этническую реальность и во мно-

⁵ См.: Головнёв А. В. Кочевники Арктики: искусство движения // Этнография. 2018. № 2. С. 6–45.

⁶ См.: Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю. О роли личности в этноистории: Алексей Маметьев и народостроительство нагайбаков // Этнографическое обозрение. 2018. № 5. С. 78–94; Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) / Головнёв А. В. [и др.]. // Урал. ист. вестн. 2016. № 4 (53). С. 142–148.

гом становится ее платформой.⁷ Сегодняшняя картина этничности не просто отражается в киберпространстве, но и порождает новую киберэтничность, обладающую самостоятельным потенциалом. Повышенная киберактивность свойственна сообществам, в том числе этническим меньшинствам и диаспорам, испытывающим потребность в самовыражении и компенсирующим посредством сети дефицит реальной территориальной близости и коммуникации. По существу, интернет замещает одно из оснований этнической идентичности, традиционно обозначаемое как общая территория. Интернет, восполняющий реальную удаленность виртуальной близостью, становится удобной площадкой для насыщения этничности индивидуальными этнопроектами. Успешные в киберпространстве активисты становятся значимыми персонами в социальной реальности и выступают в некотором роде лидерами «новой этничности». Кроме того, кибермир становится хранилищем этнокультурного наследия, экспозиционным пространством этномузеев и форумом межэтнического диалога.

Веб-этнография в условиях пандемии стала основным каналом получения информации и выстраивания диалога исследователей и представителей коренных народов. Авторами статьи разработаны две кибер-анкеты: (1) экспертная анкета для лидеров КМН; (2) общая анкета для представителей КМН. Обе анкеты содержат сходные вопросы, но первая рассчитана на развернутые ответы-размышления, а вторая — на краткое выражение своей позиции. Тем самым общая анкета показывает основные тренды, а экспертная дает их аналитику и толкования, причем оба действия выполняются самими коренными народами (роль исследователей ограничивается формулировкой вопросов и представлением свода полученной информации). Кроме того, экспертные анкеты имели целью вдохновить этнических лидеров на выражение своей позиции в жанре эссе, которые готовятся к опубликованию в итоговой монографии по проекту.

⁷ См. о предмете и методах киберэтнологии: Knoblauch H. Fokussierte Ethnographie als Teil einer soziologischen Ethnographie. Zur Klärung einiger Missverständnisse // Sozialer Sinn. 2002. Band 3, heft 1. S. 129–135; Sade-Beck L. Internet Ethnography: Online and Offline // International Journal of Qualitative Methods. 2004. № 3 (2). URL: http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/3_2/pdf/sadebeck.pdf (дата обращения: 30.12.2017); Heidemann F. Cyberethnologie // Ethnologie. Eine Einführung. Göttingen, 2011. S. 262–265; Головнёв А. В., Белоруссова С. Ю., Киссер Т. С. Веб-этнография и киберэтничность // Урал. ист. вестн. 2018. № 1 (58). С. 100–108.

Поскольку перед проектной группой стояла неординарная задача установить диалог со всем сообществом коренных малочисленных народов России, были проведены консультации с рядом лидеров этнических сообществ. Проект был представлен А. В. Головнёвым 23 сентября 2020 г. на Совете Старейшин Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, после чего экспертная анкета в октябре 2020 г. была разослана через социальные сети и электронную почту лидерам КМН. В декабре 2020 г. через социальные сети была запущена общая киберанкета для представителей КМН РФ. На сегодняшний день получено более 30 экспертных эссе и более 500 заполненных общих анкет. Это промежуточный результат: мы планируем продолжить экспертное интервьюирование в «реальном поле», как только откроется возможность ездить в экспедиции.

В данной статье, имеющей характер предварительного сообщения, мы представляем выборочные промежуточные результаты общего анкетирования с некоторыми комментариями экспертов. Переходя к изложению предварительных наблюдений, мы благодарим всех, кто нашел время и настроение ответить на вопросы анкет.⁸

Этничность и этнопроекты

В сегодняшнем обзоре нет детальных описаний обычаев и обрядов, равно как и излюбленных этнографами сопоставлений этнических традиций. Здесь оптика другая: в фокусе ценностное и чувственное отношение человека к своей этнической культуре. Если мы читаем высказывание «Языком владею очень хорошо», то не задаемся вопросом, насколько адекватно отвечающий оценивает свои умения, а видим в этой высокой самооценке выражение персональной ответственности за сохранение родного языка.

Прежде всего, несколько слов об участниках анкетирования. В 500 заполненных анкетах представлены ответы представителей 35 (из 47) КМН, в числе которых (по алфавиту): абазины — 16, алеуты — 1, алюторцы — 1, бесермяне — 1, вепсы — 13, водь — 1, долганы — 20, ижора — 11, ительмены — 7, камчадалы — 2,

⁸ Особую признательность за творческое участие в проекте мы выражаем президенту Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации Григорию Петровичу Ледкову, вице-президенту Нине Глебовне Вейсальной и экс-президенту Сергею Николаевичу Харючи.

кеты — 10, коряки — 23, манси — 8, нивхи — 27, нагайбаки — 30, нанайцы — 15, нганасаны — 19, ненцы — 54, ороки (ульта) — 6, орочи — 4, саамы — 9, селькупы — 9, сойоты — 13, теленгиты — 3, телеуты — 3, тубалары — 1, тувинцы-тоджинцы — 4, ханты — 31, челканцы — 2, чуванцы — 1, чукчи — 6, чулымцы — 2, шорцы — 6, эвенки — 58, эвены — 2, юкагиры — 2. Кроме них, в опросе приняли участие представители народов, не входящих в официальный перечень КМН, но в какой-то мере, вероятно, стремящиеся попасть в этот список или ассоциирующие себя с ключевыми характеристиками КМН (например, категорией «коренной»). Среди них: аварцы — 1, айны — 7, башкиры — 1, буряты — 4, еврей — 1, кряшены — 19, карелы — 7, мокша — 1, ногайцы — 10, поморы — 4, сибирские татары — 1, татары — 1, эрзя — 2, якуты — 3.

Поскольку перечень КМН в постсоветское время неоднократно обновлялся и вырос с 26 до 47, представители не вошедших в него этнических сообществ не оставляют надежды его пополнить и считают возможным заявить о себе, сопроводив свою позицию соответствующим комментарием. Активнее и многочисленнее других в «списке кандидатов» обозначились айны («Мы — непризнанный народ в Российской Федерации»), кряшены («У нас нет статуса, нас причисляют к татарам, хотя таковыми себя не считаем и никогда ими не были») и ногайцы («В СМИ часто обсуждают вопрос о присвоении ногайцам статуса коренного народа Астраханской области»).

В гендерном измерении женщины оказались более чем в два раза активнее мужчин — 353 к 147, что может свидетельствовать как об их большей погруженности в социальные сети, так и о более выраженной этнической позиции. По возрасту участники опроса распределились следующим образом: до 18 лет — 8 чел.; от 18 до 35 — 118; от 35 до 45 — 111; от 45 до 60 — 187; от 60 лет и более — 76 чел. Как видно, самую многочисленную возрастную группу образовали люди в возрасте «зрелой ответственности» (от 45 до 60); в этом смысле общую выборку можно считать преимущественно не ситуативной реакцией, а выражением жизненного опыта.

Ответы на вопрос «Моя национальность для меня?» дали следующее соотношение (при возможности отметить более одной позиции): «предмет гордости» — 89 %; «внутреннее чувство» — 42 %; «причина неудобств» — 1 %. Последняя позиция, ассоциирующаяся с негатив-

ной или скрытой идентичностью, выражена среди КМН ничтожно малой величиной. Понятно, что те, для кого национальность является «причиной неудобств», могли остаться в стороне от добровольного анкетирования, но в целом опрос свидетельствует о явном преобладании среди КМН позитивной этнической идентичности.

На вопрос «Что объединяет человека с людьми его национальности?» ответы распределились следующим образом, в порядке убывания: традиции (47 %); язык (44 %); родство (19 %); история (16 %); религия (11 %); самосознание (9 %); менталитет (9 %); территория (7 %); дружба (4 %). В этом раскладе примечателен высокий рейтинг «традиций», превзошедших даже обычно первенствующий «язык», и весьма скромный — «территории», что может быть связано с прогрессирующим значением киберпространства как средства замещения территориальности. Эксперты развивают тему соотношения традиций, языка, самосознания и истории комментариями:

Я застал то время (начало 1960-х гг.), когда вследствие государственной политики из школьной программы исчезло изучение нанайского языка, дети и молодежь стали стыдиться своей национальности, исчез разговорный язык из сферы общения. Потом, 15 лет спустя, стали возрождать национальную культуру, но время было упущено. Сегодня дети изучают нанайский язык почти как иностранный, с той разницей, что английский язык будет необходим в дальнейшей жизни, а нанайский нигде не пригодится. Старшее поколение старается поддерживать традиции, но время стремительно уходит. Хорошо, что государство повернулось лицом к этой проблеме, сегодня реализуется новая Стратегия государственной национальной политики, и уже видны результаты — молодежь начала проявлять интерес к традициям своего народа, растет национальное самосознание (И. А. Бельды, нанаец).

Национальные традиции абазин обладают большой воспитывающей силой и во все времена с их помощью решалась задача формирования у молодого поколения высоких нравственных качеств. В 2013 г. я выпустила первое методическое пособие по нравственному воспитанию школьников на абазинском языке «Цвети, цвети, моя Абазашта!». Языком владею очень хорошо. Все красивые традиции и обычаи своего народа стараюсь соблюдать лично: почитания старших, соблюдения субординации в семье мужа с первых дней, запрет на общение со свекром, на-

ходится в одном помещении, где находятся свекор и супруг, в присутствии свекра вообще не присаживаться, уважительное отношение к свекрухе, согласовывать с ней все вопросы, возникающие в семье. В воспитании сына, последнее слово всегда оставалось за дедом и отцом для поддержания авторитета мужчины в семье и воспитания настоящего мужчины с высоким чувством ответственности за семью, фамилию, народ, за свою родину. Особое место отводилось нравственному воспитанию: почитание старших, уважительное отношение к женщине, неукоснительное соблюдение обычаев гостеприимства, толерантности (З. С. Ашибокова, абазинка).

История вещей — история саамов, история нашей семьи, нашего рода. Эти вещи, выполненные и сохраненные нашими предками, бережно хранятся в наших семьях. Реликвии, передающиеся из поколения в поколение, молчаливые свидетели семейного уклада, истории семьи:

— оригинал документа «Выпись о браке» дедушки и бабушки по маминой линии. Документу 100 лет;

— оригинал документа 1898 г. о призыве нести воинскую повинность дедушкой по маминой линии — *«Кемскимъ уезднымъ по воинской повинности Присутствіемъ к исполненію воинской повинности при призыве 1898 г. и зачисленъ въ ратники ополченія второго разряда»*;

— *вӯсс* — саамская дорожная сумка и папина сумочка для табака и других мелких предметов; выполнены из оленьей кожи, дубленую традиционным образом, а также с использованием части оленьей шкуры, снятой со лба (*кӓлл*); украшена кожаной аппликацией, выполненной из оленьей кожи (недубленой); мамина работа 1946 г.;

— детские вещи, сшитые мамой (рубашка для мальчика 1944 г., платье для девочки 1955 г. и многое другое...).

Вещи в нашей семье имеют семейную ценность, как память о предметах старины, имеющие большое значение не только для нас, но внукам, правнукам и праправнукам, что бы могли видеть воочию. Почему же мы храним эти вещи? Это наши семейные ценности интересны с исторической точки зрения как предметы старины, культуры, быта, они дороги и как память о наших близких, наших предках. Ведь к ним прикасались их руки! (А. М. Агеева, саами).

При переключении на тему развивающих этничность проектов обнаруживается ведущая роль сообществ и общественных событий этнокультурной направленности. В ответах на

вопрос «Какие Вы знаете проекты по сохранению и развитию традиционной культуры вашего народа?» большая часть респондентов отметили «праздники и фестивали» (74 %) и «творческие коллективы» (62 %); несколько меньше — «музейные проекты» (39 %); остальные — крайние позиции «много проектов» (12 %) и «никакие» (6 %). Среди праздников и фестивалей чаще всего называются календарные этнические и региональные праздники: День Оленевода (ненцы), Вороний День и День Рыбака (ханты), Древо Жизни — *Elonruu* (вепсы), Мучун и Хэбденек (Новый год, эвенки и эвены) и др., а также фестивали, конкурсы, игры, выставки, например этнофестиваль «Большой аргиш» (Таймыр), фестивали «Бубен дружбы» и «Аист над Амуром» (Приамурье), фестиваль «Вепская сказка», Саамские игры, Абазинские игры и др. Творческие коллективы, как правило, представляют собой фольклорно-танцевальные ансамбли и носят этнические названия; ульчский «Гива», корякский «Энер», долганский «Арадуой», ительменский «Эльвель», нагайбакский «Чишмелек» и т. д. Несмотря на умеренный рейтинг этномузеев, их реальное значение высоко, что выражено, например, в высказываниях жительницы Чукотки: «Очень много проектов, но мне нравится Чаунский краеведческий музей» и жителя Ямала: «Почти в каждом поселении есть музей в школах, там изучают родную литературу и язык». Невысокая частота упоминаний музеев в ответах на этот вопрос связана с тем, что далеко не все считают музей «проектом»; напротив, в отличие от происходящих раз в год праздников и фестивалей, он представляется постоянно действующим явлением повседневности.

Эксперты обращают первостепенное внимание на проекты для детей, поскольку именно в детстве формируются основы идентичности. Нивха Е. А. Королева почти весь свой комментарий адресовала детству, назвав в числе важнейших мероприятий первенство области по национальным видам спорта среди детей коренных этносов и детский конкурс «Наследники традиций». Абазинка О. Р. Аджиева отметила значение учебника «Абазинская детская литература» и детских конкурсов по этнической тематике. Эвенкийка К. И. Макарова в качестве комплексного проекта назвала школу «Арктика» в г. Нерюнгри, Республика Саха (Якутия), которая «была открыта с целью сохранения языков и культуры народов Севера.

В школе преподаются эвенкийский, эвенский, юкагирский языки. Основная миссия школы определяется как создание открытой образовательной среды, в которой идет формирование положительной мотивации к изучению родных языков, самоидентификация личности и интериоризация (присвоение жизненного опыта) этнокультурных ценностей... Дети начинают жить в общинах “Солинга”, “Гиркил”, “Осикта”, “Теван”, где работает общинное самоуправление. Все общины объединяются в сообщество детей — в президентскую Республику “Арктика” со своим ирезидентом и министерствами образования, здравоохранения, печати, труда и спорта. Высшим органом общинного самоуправления является Совет старейшин — Суглан. Во внеучебное время учащиеся занимаются в студиях “Обряды народов Севера”, “Одё” — “Оберег”, “Изобразительное искусство”, проводятся занятия по оленеводству, охотоведению, национальному шитью (учащиеся проходят производственную практику в родовой общине “Бугат”, где постигают азы традиционного уклада жизни своих предков), деревообработке, работает фольклорный ансамбль “Лэредо”».

Статус и права

Одна из ключевых и в то же время деликатных тем этничности выражена в вопросе «Какие преимущества дает статус коренного малочисленного народа?». Для соседей КМН этот сюжет представляется едва ли не главным раздражителем, генерирующим дискурс неравенства, льгот и привилегий. В наших анкетных вопросах слова «льготы» нет, но в ответах и дискуссиях оно выходит на первый план (встречается в 68 анкетах). Заметим, что понятия «статус», «права», «преимущества», «льготы» в теории различаются, а в практике переплетаются в зависимости от ситуации и мотивации: стремление к отстаиванию или приобретению статуса/прав КМН может мотивироваться заботой как об общей этничности, так и о персональной выгоде. Одно другому не помеха, и было бы ошибкой эти мотивы нарочито противопоставлять; напротив, их сочетание отвечает самой сущности этничности, связывающей личное и социальное. Вопрос о преимуществах настроен в одинаковой мере на положительный и отрицательный ответы, а также на их комбинации, например:

Не знаю. Если они и есть, то простой народ не знает, а те из коренных, кто сидят в аппа-

рате, с нами не делятся этими преимуществами. Знаю одно: можно без лицензии ловить рыбу и <добывать> мясо для своих нужд. Но это еще надо доказать, что ты являешься коренным малочисленным народом, раньше в свидетельстве о рождении указывали национальность, в 1990-е годы указывать перестали. А теперь кучу документов надо собрать, и в каждый кабинет требуют отдельный пакет, вот и доказывай каждый раз, что ты тот, кем ты являешься (долганка).

Почти четверть (23 %) ответов о преимуществах — отрицательные, с пояснениями:

Никакие! Для каких-нибудь преимуществ нужно подтверждение, что ты коренной! (саами).

На сегодняшний день только унижение (эвенкийка).

Нет преимуществ, напротив, пониженное положение (ненка).

Для конкретно нашего народа — никакие, хотя могли и должны быть (найгабачка).

Никаких! Все законы, которые придуманы для коренных малочисленных народов, не работают! Пример: отдан лес, огромные площади вокруг вепских поселений, под спил ДОК «Калевала». Для простых смертных жителей леса нет, и поддерживать традиционно-вепские вековые гниющие и пропадающие дома нет возможности! (вепс).

Никаких. Один раз обратился за помощью в облисполком — помочь с учебой детям, получил отказ — квоты кончились. Больше нигде не обращался (ительмен).

Отвечая за свой народ — реально никаких. Может быть, повышенное внимание со стороны академического сообщества (ижора).

Большинство положительных ответов (36 %) относится к ценностному полю, которое можно назвать «исконным правом природопользования». Речь идет о естественном праве коренных жителей на традиционный образ жизни, хозяйствования и природопользования. Иногда респонденты употребляли в этой связи термин «льготы», хотя в данном случае он вряд ли уместен, поскольку государство не дарует природные ресурсы, а лишь не препятствует их использованию. Детали оценок видны в комментариях:

Охота и рыбалка без лицензии (эвенк).

Льготы на природопользование в рамках традиционных промыслов (чукча).

Возможность вести традиционный образ жизни: охота, рыболовства, сбор ягод, шишек, кореньев (корячка).

Можно создать на территории проживания своих предков родовые угодья, сохранять

и вести традиционный образ жизни, хозяйствование и промыслы (манси).

Бесплатное топливо для дома (сойотка).

Национальные промыслы (рыболовство, охота, дикоросы) (ханты).

Статус мне дает право на традиционные виды деятельности. Я собираю дикоросы, ловлю круглый год рыбу, содержу собак, готовлю национальные блюда из дикоросов, рыбы, нерпы, оленя (нивхи).

Близка к предыдущей, но по-своему самостоятельна ценность, которую можно назвать «жизнь на своей земле» (12 % ответов). Ее содержание раскрывается в комментариях:

Сохранность мест традиционного проживания (абазин).

Свобода передвижения по маршрутам кочевий (ненец).

Принадлежность к определенной географической территории: моя земля — земля моих предков (шорка).

Жить на земле своих предков и передать это преимущество для своих детей и внуков; нести ответственность за будущее исконных земель, территорий и природных ресурсов (шорец).

Говорят, за коренным народом могут закрепить земли... (ижора).

Если предыдущие категории относятся к экологии и территории, то следующая может быть обозначена как «право на самобытность» (9 % ответов), характеризующееся комментариями:

Личная уникальность, самоидентификация (эвенкийка).

Для меня осознание своей уникальности и возможности духовного саморазвития (орочи).

Владение древними знаниями своего народа (тувинка-годжинка).

Знание своего языка, корней, истории, быта (нанайка).

Чтобы народ не канул в вечность (вепс).

К сожалению, только участие в каких-то этномероприятиях (ижора).

Наконец, к преимуществам КМН относят услуги, предоставляемые государством и бюджетными учреждениями, традиционно называемые «льготами»; на них ссылаются в 20 % анкет. Авторы этих замечаний не всегда ясно представляют реальную картину социальных и экономических льгот, но имеют на этот счет свое мнение:

Социальные льготы: обучение студентов из числа КМНС, выплаты кочевникам, льготная очередь на получение жилья; дети кочев-

ников обучаются и живут в интернате за счет государства (ненец).

Право на социальные льготы, [водные биологические ресурсы], рано уходить на пенсию, земельный участок (корячка).

Выход на пенсию в 50 лет женщинам (сойотка).

Повышенное детское пособие (орочи).

Бесплатное питание в школе для детей, целевое поступление в вузы (корячка).

Льготы при поступлении в некоторые вузы, в частности в институт народов Севера в РГПУ им. А. И. Герцена (хант).

Льготы оплачиваемого проезда во время отпуска один раз в два года (долганка).⁹

Добавка к зарплате, <когда живешь> на Крайнем Севере (нганасанка).

Главное внимание экспертов в отношении статуса КМН направлено на природопользование и землепользование:

В современном законодательстве в отношении коренных малочисленных народов нет понятия «льгота», а есть права, закрепленные Конституцией и законодательными актами. Особые права, которыми наделены КМНС, не являются привилегиями и льготами. Это одна из форм действий, направленных на то, чтобы коренные народы могли сохранить свои особенности и традиции (Д. М. Хоманюк, саами).

В России эти права [КМН] определены Конституцией РФ, Федеральным законом «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (статьями 8, 9 и 10). В основном, эти права соблюдаются и обеспечиваются. Но главное право — на безвозмездное пользование в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами, и общераспространенными полезными ископаемыми в порядке, установленном федеральным законодательством и законодательством субъектов Российской Федерации — ограничивается подзаконными актами, которые практически сводят на нет это право (И. В. Бельды, нанаяц).

Главной многолетней проблемой остается отсутствие создания территорий традиционного природопользования, а также рыбопромысловых участков для общин коренных этносов (Е. А. Королева, нивхи).

⁹ Эта и ряд других льгот связаны со статусом работников организаций, расположенных в районах Крайнего Севера (см. ст. 325 Трудового кодекса РФ), а не КМНС.

Приведенные данные составляют лишь малую долю сведений, сообщенных участниками веб-опроса. Объем статьи хватило только на представление основных параметров и опорных тем исследования. Современные проекции этничности включают не только традиционные характеристики (язык, традиция, территория, самосознание), но и новые явления, существенно преобразующие формы и ритмы этничности. В их числе темы лидерства, этнодизай-

на, этнотуризма, киберэтничности и другие, рассмотрению которых будут посвящены специальные публикации. Одна из тематических граней проекта — этнокультурное наследие — является предметом многолетних изысканий и дискуссий ЮНЕСКО, причем в последние годы в фокусе внимания оказались механизмы актуализации и развития этнокультурных ценностей, их реализации в «живой культуре», что предполагает их рассмотрение не в статике, а в динамике.

Andrei V. Golovnev

Member of the RAS, director, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: Andrei_Golovnev@bk.ru

Tatiana S. Kisser

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS (Russia, Saint Petersburg)
E-mail: tkisser@bk.ru

ETHNICITY PROJECTIONS OF THE INDIGENOUS MINORITIES OF RUSSIA (WEB SURVEY DATA)

The article considers the preliminary results of the project “Indigenous Minorities of the Russian Federation: Ethnocultural Projections”. The study of the current state of ethnicity of Russia’s indigenous small-numbered peoples in a multiethnic environment and in the system of complex identities within the space of Eurasia, due to unsuitability of single-line approaches, is carried out using the methods of ethnophenomenology in a wide space-time context of traditions and innovations, personology, sociology and social anthropology. In the authors’ focus are the following issues: (1) ethnicity in its stability and variability, historical dynamics and modern manifestations, sociality and personality, traditions and innovations; (2) ethnocultural heritage as the basis of identity, trends and prospects for its actualization. In the context of the pandemic, web ethnography has become the main channel for obtaining information and building a dialogue between researchers and representatives of indigenous peoples. Two cyber-questionnaires have been developed: (1) an expert questionnaire for indigenous leaders (more than 30 questionnaires were collected); (2) a general questionnaire for representatives of the indigenous peoples (500 questionnaires were collected). Both questionnaires contain similar questions, but the first is designed for detailed answers-reflections, and the second — for brief expressions of their positions. Thus, the general questionnaire shows the main trends, and the expert one gives their analysis and interpretation, and both actions are performed by the indigenous peoples themselves (the role of researchers in creating this set of information is limited to the formulation of questions and the presentation of answers). The article examines the ethnicity projections, experiences of ethnic projects, and issues of the status and rights of indigenous minorities as well.

Keywords: *indigenous minorities of Russia, ethnicity, identity, cyber-ethnography, ethnoprojects, web survey*

REFERENCES

- Ethnicity*. Oxford; New York: Oxford University. Press, 1996. (in English).
Golovnev A. V. [Arctic Nomads: the Art of Movement]. *Etnografija* [Etnografia], 2018, no. 2, pp. 6–45. DOI: 10.31250/2618-8600-2018-2-6-45 (in Russ.).
Golovnev A. V. [Ethnography in the Russian Academic Tradition]. *Etnografija* [Etnografia], 2018, no. 1, pp. 6–39. DOI: 10.31250/2618-8600-2018-1-6-39 (in Russ.).
Golovnev A. V., Belorussova S. Yu. [On the individual’s role in ethnohistory: Alexei Mametiev and the ethnic construction of the Nagaibaks]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 2018, no. 5, pp. 78–94. DOI: 10.31857/S086954150001478-5 (in Russ.).

Golovnev A. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. [Web-ethnography and cyber-ethnicity]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2018, no. 1 (58), pp. 100–108. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-1(58)-100-108 (in Russ.).

Golovnev A. V., Perevalova E. V., Belorussova S. Yu., Kisser T. S. [Ethnoproject, or ethnicity personalization (based on materials of the Ural EthnoExpedition)]. *Ural'skij istoriceskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2016, no. 4 (53), pp. 142–148. (in Russ.).

Heidemann F. Cyberethnologie. *Ethnologie. Eine Einführung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011, ss. 262–265. (in German).

Knoblauch H. Fokussierte Ethnographie als Teil einer soziologischen Ethnographie. Zur Klärung einiger Missverständnisse. *Sozialer Sinn*, 2002, band 3, heft 1, ss. 129–135. DOI: 10.1515/sosi-2002-0107 (in German).

Sade-Beck L. Internet Ethnography: Online and Offline. *International Journal of Qualitative Methods*, 2004, no. 3 (2). Available at: http://www.ualberta.ca/~iiqm/backissues/3_2/pdf/sadebeck.pdf (accessed: 30.12.2017). DOI: 10.1177/160940690400300204 (in English).

Siapkas J. Ancient Ethnicity and Modern Identity. *A Companion to Ethnicity in the Ancient Mediterranean*. Malden: Wiley Blackwell, 2014, pp. 66–81. DOI: 10.1002/9781118834312.ch5 (in English).

Smith A. D. *Myths and Memories of the Nation*. Oxford: Oxford University Press, 1999. (in English).